

Мир — 1997 — 5 июля — с. 5
ПАМЯТЬ

«ПОСТАВЬТЕ ИМ СКАМЕЙКУ»,

— сказал Александр Вертинский, узнав, что на его концерт проникли «зайцы»

«Козел» устроил гнусную засаду. Козлом прозвали ереванские мальчишки-безбилетники администратора филармонии за эспаньолку. Он люто ненавидел «зайцев», считая их своими личными врагами.

В тот памятный день, пролезая через высоко расположенное узкое окно мужского туалета, мы, как спелые груши, посыпались в его объятия. Козел повел нас к директору филармонии. У того была странная для армянина фамилия — Македонский. Был он старый, вальяжный, неторопливый, в прошлом царский офицер, чудом уцелевший при советской власти.

Козел разглагольствовал: ну что вы нашли в этом Вертинском? Поет он комсомольские песни? Нет. Советские? Тоже нет. Может, патристические? Очень мало. Пошлина в основном...

— Не говори, — будто поддакивая ему, вмешался Македонский. — Помню, во Владикавказе... Бож мой, как он пел! Дамы рыдали...

— Так что вы прикажете делать с этими сукиными детьми? — прервал воспоминания директора Козел.

Не знаю, каким образом весть о нашем пленении дошла до Маэстро, который за кулисами готовился к выходу, но только милицию не вызвали. Более того, нас пустили в зал, только велели жаться к стенке и вести себя тихо. Маэстро терпеть не мог шума.

А потом произошло чудо. Мы увидели — руки. Они молились, ласкали, страдали... улыбались. Крупные кисти рук с длинными пальцами словно отделились от фигуры этого очень высокого, стройного, хотя и не молодого человека с тонкими чертами бледного лица. Они парили, жили самостоятельной жизнью.

«Я маленькая балерина», — пел артист, и руки трепетали, кружились в балетных па и замирали, дополняя трогательный в своей беззащитности, неповторимый образ.

Когда пару лет спустя, уже в Москве, на сцене Большого театра я увидел волшебный полет рук Галины Улановой в балете Прокофьева «Ромео и Джульетта», то сразу же вспомнил руки Вертинского. Нет, в его руках не было ничего женственного. Ведь им завидовал Качалов! «Такого владения руками, такой пластической выразительности я не знаю ни у кого из актеров», — говорил он.

В пластике Вертинского был подлинный аристократизм в высоком, артистическом значении этого слова. Мне больше не приходилось видеть артиста, который с таким изяществом умел бы носить фрак. Разве что Кторов или Ваграм Папазян...

Голос Вертинского не поражал ни мощью, ни диапазоном. Он был негромок. Но певец не пользовался микрофоном. И тем не менее каждое, даже очень тихо пропетое

слово, доходило до самых последних рядов переполненного зала. Звук голоса Вертинского поражал так же, как его руки. «Ты понимаешь, что такое Вертинский? — говорил Шостакович Леониду Траубергу. — Он музыкальнее нас, композиторов».

Маяковский, который, как известно, не признавал никого, кроме самого себя, делал исключение лишь для Хлебникова и Вертинского, считая их большими поэтами. Он, несомненно, был прав. Александр Вертинский в своих песнях и их исполнении (тут, разумеется, «работало» это единство) удивительным образом сочетал иронию и трагичность, лиризм и тонкую стилизацию.

Сложно складывались взаимоотношения Вертинского со Сталиным. Но у каких истинных художников легко складываются отношения с диктаторами? Вертинский рвался домой, на Родину. В самые тяжелые годы Отечественной он обращался к советскому правительству с просьбой о возвращении. Сталин, узнав об этом, цинично изрек: «Пускай допоеет». Но потом почему-то передумал. В 1943 году Вертинский вернулся. В 1945 году он написал песню «Он». О Сталине. Там были строчки: «Над истерзанной картой России поседела его голова». Вероятно, строчки эти — знак благодарности за разрешение вернуться на Родину. Но не помню, чтобы Вер-

тинский хоть раз исполнил эту песню. После смерти Сталина, узнав о миллионах расстрелянных и погубленных в ГУЛАГе людей, артист был потрясен до глубины души. Об этом свидетельствует его переписка с родными.

На своей фотографии, подаренной Вертинскому в Шанхае, Шалпин сделал надпись: «Великому сказителю земли русской Александру от странника Федора». Его искусство высоко ценили Марлен Дитрих и Бинг Кросби, недавно его тепло вспоминал Шарль Азнавур. Вертинским восхищались короли Швеции и Испании, принц Уэльский, банкиры Ротшильд и Вандербильт. На своей Родине его песни доходили до сердец самой широкой аудитории. Достаточно было небольшой афишки от руки «Поет Александр Вертинский», как билеты мгновенно расходились. Такова была магия имени легендарного певца, противостоявшего официозному бодрчеству на эстраде.

Официальные власти не любили Вертинского. Вот одна из «рецензий» тех времен: «Еще совсем недавно прозвучало гневное возмущение против печатания на страницах журналов «Звезда» и «Ленинград» до конца разложившейся, безыдейной и зачастую порочной, порнографической поэзии Ахматовой и книг Зоценко. С тех пор прошло лишь четыре года, и вот опять на сцене советских театров из мира теней появляется воскресший, ис-

тасканный пошляк Вертинский и, продолжая дело Зоценко и Ахматовой, публично занимается идейным и моральным растлением советских людей».

«Рецензенты в штатском» не ведали, что оказывали честь Вертинскому, ставя заслуженно его имя рядом с именами Ахматовой и Зоценко.

Все эти непричесанные мысли пришли мне в голову на вечере памяти Александра Вертинского в муниципальной библиотеке столичного округа Речной вокзал. Его организовала заведующая библиотекой Наталия Сергеевна Романова, женщина, горячо преданная искусству, настоящий подвижник культуры. Молодой певец Сергей Полянский и его аккомпаниатор Татьяна Копелевич (кстати, выступавшие на недавнем «Трудовском» конкурсе молодых исполнителей русского романса), знакомые слушателей с творчеством Мастера, были на высоте.

На этот раз на встрече я присутствовал не как «заяц». Концерт был бесплатным.

Владимир ШАХНАЗАРЯН.
Рисунок автора.